

АННА АНДРЕЕВНА КУЛЕБАКИНА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7575-470X; annakovaleva2014@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ «УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ» 1782 ГОДА

Аннотация. В задачи общегосударственных документов XVIII века входила не только регламентация деятельности служащих той или иной сферы общественной жизни, но также трансляция государственных ценностей, что обусловило необходимость тщательного отбора языковых средств. В екатерининское время язык документов претерпевает ряд изменений, связанных, с одной стороны, с уходом из употребления приказного языка, а с другой – с усилением влияния европейских языков. На материале «Устава Благодочиния или Полицейского» 1782 года рассматриваются средства выражения императивности и анализируются случаи их употребления. Результаты проведенного исследования демонстрируют сближение языкового оформления текста устава с европейскими моделями. Зафиксировано активное употребление настоящего предписания, модальных операторов *должен* и *обязан* наряду с независимым инфинитивом, а также распространение двусоставной модели предложения. Некоторые конструкции, широко используемые в петровское время, становятся менее употребительными и заменяются. Отмечается смягченная тональность документа. Предполагается, что причины данных изменений могли быть обусловлены влиянием источников, лежавших в основе устава, а также философско-правовых идей просвещенного абсолютизма.

Ключевые слова: императивность, устав, история русского делового языка, деловой язык XVIII века, Екатерининская эпоха

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

Для цитирования: Кулебакина А. А. Средства выражения императивности в тексте «Устава Благодочиния» 1782 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.905

ВВЕДЕНИЕ

XVIII столетие занимает особое место в истории деловой письменности. Изменения в государственном управлении и культуре, продиктованные стремлением монархов создать полицейское государство, обусловили появление документов регламентирующего типа – уставов и регламентов, которые регулировали деятельность служащих государственных ведомств, а также могли содержать нормы разных отраслей права. Одной из основных стилеобразующих черт делового языка является императивность, с помощью которой осуществляется регулирующая функция права и передается воля монарха. В регламентах петровского времени выявляется много новых средств выражения императивности, что объясняется поиском наиболее подходящих средств для нового жанра документов [10: 38].

Во времена царствования Екатерины II язык регламентов и уставов претерпевает суще-

ственные изменения, что обусловлено следующими причинами: во-первых, приказной язык XVII века, лежавший в основе петровских регламентов, выходит из активного употребления, и составители государственных документов ориентируются уже на тексты ближайших эпох [7: 94]. Во-вторых, в связи с распространением европейских политических и философско-правовых идей Просвещения меняется тональность общегосударственных документов. Желание Екатерины II утвердить господство закона во всех сферах жизни общества, а также повысить уровень правосознания народа приводит к тому, что вместо «воспитания шпицрутенами» императрица стремится просвещать подданных, «которые являются членами общества, осознанно исполняющими свой долг в соответствии с социальным положением» [15: 33].

В нашем исследовании средства выражения императивности будут рассмотрены на мате-

риале Устава Благочиния или Полицейского 1782 года¹, который является ярким образцом законотворческой деятельности Екатерины II и отражением ее представлений о роли полиции в государстве. Помимо описания функций, компетенций и порядка действий служащих полиции важное место в Уставе занимает разработанная система законов о гражданских и уголовных правонарушениях, что делает его важным средством модернизации общества и системы управления государством [5: 466–469].

С выражением типового коммуникативного волеизъявления создателей правовой нормы связан функционально-смысловой тип речи предписание, основной задачей которого является выражение директив и рекомендаций. «Предписание реализуется в трех основных подтипах: долженствовании, разрешении и запрещении» [12]. В зависимости от использования эксплицитных или имплицитных средств выражения императивности, а также от наличия интенсификаторов категоричность предписания в документе может быть как усилена, так и ослаблена [14: 125]. Помимо характеристики императивности как основной стилевой черты деловой речи немало важно ее семантическое толкование. В общем виде императивность, или побуждение, понимают как «представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-либо говорящий»². Исходя из этого разными учеными предпринимались попытки определить основные компоненты императива и императивности. В силу формальных и содержательных особенностей императива многие исследователи не относят его к категории глагольного наклонения (данный вопрос, а также вопрос о парадигме императива подробно рассматриваются в работе [13]), но понимают под императивом выражение прямого волеизъявления говорящего «относительно невыполнения действия (или его выполнения)» [13: 69]. Таким образом, императив можно охарактеризовать как тип высказывания, выполняющий апеллятивную функцию. Императивность (повелительность), в свою очередь, представляет собой тип модального значения, которым должно обладать высказывание для того, чтобы его можно было отнести к императивным. В. Ю. Гусев в качестве компонентов императивности выделяет каузацию, лицо исполнителя, контролируемость и желательность действия [4: 21–30]. В. Ю. Стешевич вместо желательности предлагает рассматривать долженствование в качестве семантического компонента императивности³.

На наш взгляд, наиболее полное семантическое толкование императивности представлено

в концепции императивной ситуации А. В. Бондарко. Основными элементами императивной ситуации являются:

«1) субъект волеизъявления (C_1), 2) субъект – исполнитель (C_2), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от C_1 и обращенного к C_2 : каузируется действие, направленное на преобразование пока (в момент волеизъявления t_1) ирреальной ситуации в ситуацию, которая по замыслу говорящего должна стать в результате каузируемого действия (в момент или период t_2) реальной» [2: 80].

«УСТАВ БЛАГОЧИНИЯ ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ» 1782 ГОДА

Устав Благочиния или Полицейский состоит из 14 глав и предваряется указом Сенату, в котором разъясняются причины создания документа. Каждая глава Устава имеет буквенную индексацию и собственное название: «О должности Управы Благочиния», «Порядок определения в должности», «Запрещении» и др. Названия глав в большинстве случаев оформляются при помощи предложно-падежной формы с предлогом *о*. Статьи Устава имеют сплошную нумерацию. Текст документа разделен на две части – конспективную, которая идет слева, и содержательную, расположенную справа.

Устав Благочиния состоит из трех частей: главы А–Г и Е–Л представляют собой первую часть документа, собственно законотворчество Екатерины, и содержат статьи, регулирующие деятельность служащих управы благочиния, а также правила разделения городов. Вторая часть Устава – глава Д, Наказ Управе Благочиния, включает в себя морально-этический кодекс для граждан и служащих, а также описание сфер ответственности полиции. Третья часть представлена двумя последними главами о запретах и взысканиях, так называемым «карательным кодексом».

В зависимости от содержания статей адресатом Устава Благочиния могли выступать как служащие управы благочиния, так и население городов.

Источником большей части положений Устава являлась глава 21 Дополнения к Наказу Уложенной Комиссии, в тексте которой были определены основные функции полиции в государстве и городе. В основу пунктов, изложенных в Наказе, лег «Трактат о полиции» французского полицейского деятеля Н. де Ла Мара.

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАНИЯ

Обязывание является одним из основных семантических подтипов императивности и выражает предписание субъекта волеизъявления

относительно совершения каких-либо действий, адресованное субъекту-исполнителю. Модальность долженствования, отражающая восприятие субъектом-исполнителем каузируемого действия как вынужденного, входит в зону обязывания в качестве имплицитной модальности, поскольку выражение предписания предполагает не только наложение на адресата обязательств по выполнению действия, но и появление у адресата «вынужденной необходимости», «долга» по исполнению предписания. Для выражения позитивного обязывания в Уставе Благочиния используются следующие средства: независимый инфинитив (233), повелительное наклонение (9), «да + настоящее-будущее время глагола» (28), настоящее предписания (114), «должен + инфинитив» (15), «обязан + инфинитив» (7), «надлежит» (8), «имеет + инфинитив» (21) и некоторые другие.

Количественное распределение средств показывает, что основными способами выражения обязывания в документе были независимый инфинитив и настоящее предписания в административной части, независимый инфинитив – в уголовной части. Следует отметить, что средства выражения обязывания в конспективной и основной частях Устава отличаются. Так, в большинстве случаев разнообразные средства выражения императивности, представленные в основной части, в конспективной заменяются на инфинитив, реже – на настоящее предписания:

«На частного Пристава просить Городничего»   *«Жалобы по должности на частного Пристава не принимаются; буде же кто доказать может, что не законно поступить, тотъ долженъ просить Городничего» (125).*

В Уставе Благочиния обязывание выражается эксплицитно при помощи повелительного наклонения, что в целом не характерно для уставов и регламентов XVIII века. В нашем материале императивы употребляются в первом разделе Наказа Управе Благочиния – в Правилах Добронравия, отражающих христианские ценности и являющихся взаимными обязанностями граждан между собой:

«I. Не чини ближнему, чего самъ терпѣть не хочешь. IV. Въ добромъ помогите другъ другу, веди слѣпаго, дай кровлю не имѣющему, напои жаждущего» (41).

По замечанию М. А. Соколовой, в деловых и бытовых текстах XVI–XVII веков «значимость сюжета в какой-то мере диктовала выбор того или иного способа словесного его оформления». Так, употребление повелительного наклонения в «Домострое» и «Стоглаве» встречается в текстах, содержащих религиозные предписания, а также в обращениях, исходящих от царя [11:

68]. В нашем материале Правила Добронравия имеют особое значение. Во-первых, обращает на себя внимание подражание некоторым формулировок библейским заповедям: *«Не чини ближнему; Блаженъ кто и скотъ милуетъ»*. Высокая библейская риторика способствует возвышению образа монарха, который является адресантом Правил. Во-вторых, по замечанию Е. Н. Марасиновой, «имперская идеология фрагментарно была запечатлена в самых разнообразных по своим социальным функциям документах» [6: 81], к которым относятся и законодательные акты. Языковое оформление Правил Добронравия способствует трансляции ценностей просвещенной монархии и усиливает их воздействие на адресата.

В Уставе Благочиния одним из основных средств выражения императивности является независимый инфинитив. Для выражения повеления инфинитив широко использовался в памятниках деловой и бытовой письменности XVI–XVII веков, а в древнерусских юридических текстах «выражал предписание, имеющее характер закона, исполнение которого обязательно» [9: 15], см. также [11: 60–61]. В Уставе Благочиния инфинитивное предложение обычно представлено простым предложением или частью сложного, например придаточным определительным или главной частью сложноподчиненного предложения. Использование независимого инфинитива в тексте Устава предпочтительно для выражения правового установления (в этой функции он особо активно используется в главе Н. Взыскания):

«Буде кто домъ свой или нанятой откроеть днемъ и ночью всякимъ людемъ ради непотребства: съ того взыскать пеню двѣнадцати-дневное содержание содержанного в смиренномъ домѣ, и сажать его въ тотъ же домъ, дондеже заплатитъ» (263),

а также в текстах инструкций в административной части Устава:

«...то пятое, учинить приговоръ обнародованія, потомъ шестое, прочеть в Присутствіи; за тѣмъ седьмое, прочеть при открытыхъ дверяхъ Частнымъ Приставамъ и Квартальнымъ Надзирателямъ...» (51).

Субъект-исполнитель может быть выражен дательным падежом при инфинитиве. Отсутствие в предложении указания на субъект придает предписанию обобщенный характер. Как отмечает ряд исследователей, семантика инфинитива не является однородной и выражает широкий спектр модальных, в том числе императивных модальных, значений. Однако, по замечанию Ю. А. Рязской, существует ограничение на выражение побуждения инфинитивом в составе при-

даточного, что обусловлено структурно-семантическими особенностями сложноподчиненного предложения⁴. Для инфинитива в составе придаточного определительного в большей степени характерна семантика долженствования.

Текст санкций за особо серьезные преступления часто сопровождается речевыми формулами (как законы повелеваютъ, какъ въ законѣ написано, какъ закономъ предписано) вместо описания самого наказания, что значительно смягчает тональность документа. Кроме того, данные речевые формулы работают в тексте как отсылки к более ранним законодательным актам, что позволяет избежать громоздких конструкций.

Для регламентации действий служащих управы благочиния в конкретной ситуации, а также для выражения общего должностного предписания в Уставе Благочиния часто используются двусоставные предложения с модальным оператором «иметь» в сочетании с инфинитивом:

«Частный Приставъ въ случаѣ уголовного преступленія личнаго имѣеть изслѣдовать» (105); «Квартальный Надзиратель имѣеть смотрѣть, чтобъ всѣ и всякій въ его кварталѣ остался въ законо-предписанномъ порядкѣ» (153).

В древнерусском языке данная конструкция помимо значения будущего времени могла выражать ряд модальных значений, в том числе значение «вынужденного долженствования» [3: 354]. Несмотря на активное использование конструкции «иметь + инфинитив» в регламентах начала Петровской эпохи, со временем она становится менее употребительной из-за размытости модального значения [10: 42].

Для выражения процедурных и должностных предписаний в тексте Устава используются модальные операторы «должен» и «обязан» в сочетании с инфинитивом в составе двусоставных предложений с личным подлежащим:

«Квартальный Надзиратель долженъ вѣдать о всѣхъ въ кварталѣ его вѣдомства живущихъ людяхъ; чего ради хозяева домовъ, или ихъ повѣренныя обязанности всегда давать знать Квартальному Надзирателю о всѣхъ къ нимъ на житье приѣзжающихъ...» (156).

Модальный оператор «обязан», малоупотребительный в петровское время, был точной калькой немецкого причастия *verbunden*, и его распространение в Екатерининскую эпоху, вероятно, связано с влиянием немецких источников.

В петровское время для выражения долженствования широко использовалось сочетание безличного глагола «надлежит» с инфинитивом. Данная конструкция встречалась преимущественно в главной части сложноподчиненных

предложений [10: 41]. В Уставе Благочиния «надлежит» употребляется исключительно в придаточных предложениях в составе модальных оборотов:

«...то Управа Благочинія должна (буде не отдасть добровольно) отослать его къ суду, куда по законамъ надлежитъ» (35).

К имплицитным способам выражения обязывания в Уставе Благочиния относятся настоящее предписание и конструкция «да + настоящее-будущее время». Употребление личных форм глагола предпочтительно в контекстах, связанных с описанием должностных обязанностей государственного учреждения или должностного лица:

«Управа Благочинія принимает указы и повелѣнія отъ Государева Намѣстника, или Главнокомандующаго, Губернатора, Правленія Губернскаго и Палат, и къ онымъ посылаетъ рапорты и доношенія» (73).

Распространение настоящего предписания, а также наличие субъекта в конструкциях с модальными операторами «должен», «обязан», «имеет» свидетельствуют о закреплении двусоставной модели предложения для выражения предписания в инструктивных текстах.

В некоторых статьях Устава настоящее предписание используется для уточнения или более подробного изложения должностных обязанностей, введенных в текст конструкцией «имеет + существительное», которая используется для описания сфер ответственности управы благочиния и ее служащих.

«Частный Приставъ имѣеть попеченіе о призрѣніи убогихъ его части, и оныхъ покровительствуетъ и защищаетъ отъ обидъ, притесненія и насилія, и доставляетъ неимущимъ честное пропитаніе...» (119).

Распространение конструкции «иметь + существительное» в Уставе Благочиния, на наш взгляд, может быть объяснено влиянием общеевропейских моделей (фр. *avoir* и нем. *haben* в сочетании с существительным).

Церковнославянская конструкция «да + форма настоящего-будущего времени глагола» носит книжно-литературный характер и имеет семантику, близкую к семантике повелительного наклонения: в церковнославянских текстах она использовалась для передачи греческого императива 3-го лица [9: 16–17]. В тексте Устава сочетание частицы «да» с формами настоящего и будущего времени используется для выражения правовых норм в сложноподчиненном предложении с придаточным условием:

«Буде кто въ части домъ построитъ или ломать хочетъ... да объявитъ о томъ частному маклеру» (179)

или для выражения обобщенного предписания:

«...**да войдутъ** во храмъ Божій со благоговѣніемъ, и **да пребываютъ** во ономъ во время службы Божіей со страхомъ въ молчаніи...» (59).

ВЫРАЖЕНИЕ РАЗРЕШЕНИЯ

В Уставе Благочиния разрешение выражается при помощи двусоставных и односоставных предложений. В односоставных предложениях используется сочетание инфинитива с (квази) безличными формами *дозволяется*, *не запрещается* или глагольно-именным оборотом «дается право»:

«*то дозволяется* гражданамъ избрать изъ построннихъ чиновныхъ людей и съ аттестатами представить Городничему» (27).

Частотный в Петровскую эпоху глагол *позволять* становится редким и заменяется на *дозволяться*.

В двусоставных предложениях для выражения разрешения используются глагол «дозволять» в форме настоящего времени, а также описательный глагольно-именный оборот «имеет право». Субъект в таких конструкциях часто выражен наименованием должности или органа власти: *Городничий дозволяет*, *Управа Благочинія право имеет*.

Описательный глагольно-именный оборот «имеет право» выражает разрешение, основанное на нормах и правилах, которые закреплены в документах и регулируют поведение людей [8: 47]. Данная конструкция, получившая распространение в екатерининское время, была калькой французских (*avoir le droit*) и немецких конструкций (*Recht haben*) и, вероятно, отражала влияние разрешительного права, которое формируется в данную эпоху.

ВЫРАЖЕНИЕ ЗАПРЕТА

В Уставе Благочиния отмечается следующее распределение средств выражения запрета. В административной части запрет выражается независимым инфинитивом с отрицанием, формами настоящего времени глагола «дозволять» с отрицанием, оборотом «имеет чинить запрещение» и некоторыми другими:

«Словеснаго Суда Правленію, Палатамъ, Губернскому Магистрату и Городовому магистрату **не отя-**

гощать другими повѣленіями, какъ только такими, кои до должности его касаются; и другихъ указовъ въ оной **не насылать...**» (174).

В «карательном кодексе» запрет выражается формой настоящего времени глагола «запрещается», а также конструкциями «подтверждается (и возобновляется) запрещение», которые были немецкими кальками *Verbot bestätigt(e) / eingeschräft (und erneuert)*:

«**Запрещается** въ городѣ безъ дозволенія Управы Благочинія разыгрывать вещь, или книги, или товаръ, или лошадь, или иное что...» (218); «**Подтверждается и возобновляется запрещение** учинить уголовныя преступленія противу обитаній, какъ то: 1) пожегъ обитаній, 2) воровство со взломомъ. См: взысканій статью 268» (226).

В Уставе Благочиния инкриминирующие составы и санкции разнесены по разным главам, что отражает влияние уголовно-правовой мысли английского Просвещения [1: 11–14]. Каждая запретительная статья сопровождается ссылкой на статью взыскания, что делает текст более компактным и лаконичным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В системе средств выражения императивности, а также в языковом оформлении Устава отмечаются следующие особенности: активизация славянизмов, широкое использование германизмов и галлицизмов, распространение настоящего предписания и закрепление двусоставной модели предложения. Отмеченные тенденции могут быть обусловлены влиянием оригинальных текстов европейского Просвещения, которые лежали в основе большинства положений Устава Благочиния.

Императивную тональность Устава можно охарактеризовать как смягченную. В тексте отсутствуют угрозы жестокого наказания, транслируются христианские ценности, а регулятивные положения дополняются нравоучениями, что соответствовало идеологии просвещенного абсолютизма и способствовало реализации воспитательной функции устава.

Выявленные языковые черты позволяют говорить о том, что Устав Благочиния представляет собой документ, приближенный к европейским образцам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уставъ Благочинія или Полицейской. Часть первая. Напечатанъ въ Санктпетербургѣ апрѣля 8 дня 1782 года. 79 с. Здесь и далее при цитировании в круглых скобках указывается номер страницы.

² Повелительное наклонение // Русская грамматика. Т. I / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 620–625.

³ Стешев В. Ю. Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 8.

⁴ Рязская Ю. А. Инфинитивные предикативные единицы в составе сложноподчиненного предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкова Г. О. Уголовно-процессуальное законодательство Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII века (к истории указа «О трех родах воровства» 1781 г. и «Устава Благочиния» 1782 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2 (51). С. 9–20.
2. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 80–89.
3. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2016. 416 с.
4. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
5. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
6. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Отв. ред. Л. В. Милов. М.: Наука, 2008. 460 с.
7. Никитин О. В. Язык указов Екатерины II 1762 г. и формирование официально-делового стиля в России XVIII в. // Филологические науки. 2003. № 6. С. 93–99.
8. Олзоева Я. В. Описательные глагольно-именные обороты как средство выражения внутрисинтаксической модальности возможности в русском языке // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 2 (43). С. 44–48.
9. Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
10. Руднев Д. В., Пушкарева Н. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 36–49.
11. Соколова М. А. Выражение волеизъявления в русских деловых и бытовых памятниках XVI века // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1952. Вып. 18, № 161. С. 52–79.
12. Трошева Т. Б. Предписание // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 301–303.
13. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив / Отв. ред. В. Б. Касевич. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
14. Ширинкина М. А. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 120–130.
15. Яшин А. Н. Идеи просвещенного абсолютизма в философии русского правосудия второй половины XVIII века // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 11. С. 31–35.

Поступила в редакцию 06.04.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Anna A. Kulebakina, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7575-470X; annakovaleva2014@mail.ru

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING IMPERATIVENESS IN THE TEXT OF THE 1782 DEANERY CHARTER

Abstract. The tasks of the official documents of the XVIII century included the regulation of the employees' activities in a particular sphere of public life and the transmission of state values. This was the reason for the careful selection of linguistic means. In the era of Catherine the Great, the language of documents was changed. These changes were associated with moving away from mandative language of the XVII century, on the one hand, and with a stronger influence of European languages, on the other hand. The article examines linguistic means for expressing imperativeness and analyzes its usage cases in the text of the 1782 Deanery Charter. The performed analysis demonstrates a linguistic convergence of the text of the Charter with European language models. Along with the independent infinitive, imperativeness is expressed through verbs in the present tense, modifiers *dolzhen* (must) and *objazan* (be obliged), and a two-part sentence model often found in the text of the Charter. Some syntactic constructions that were widely used in the era of Peter the Great were becoming less common and were being replaced, and the tone of the document became softer. It is assumed that the reasons for these changes could be due to the influence of the sources underlying the Charter, as well as the influence of the philosophical and legal ideas of enlightened absolutism.

Key words: imperativeness, charter, history of business Russian, eighteenth-century business language, Catherine the Great's era

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the projects No 20-012-00338 "The system of imperative means in the Russian official language of the XVIII century".

For citation: Kulebakina, A. A. Language means of expressing imperativeness in the text of the 1782 Deanery Charter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.905

REFERENCES

1. Babkova, G. O. Criminal procedural legislative drafts of Catherine the II and the Russian legislation in the 2nd half of XVIII century (on the history of the Decree "On Three Types of Theft" of 1781, and the Deanery Charter of 1782). *Actual Problems of Russian Law*. 2015;2(51):9–20. (In Russ.)
2. Bondarko, A. V. The analysis of categorical situations in the field of modality: imperative situations. *Theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 80–89. (In Russ.)
3. Galinskaya, E. A. Historical grammar of the Russian language. Phonetics. Morphology. Moscow, 2016. 416 p. (In Russ.)
4. Gusev, V. Yu. Typology of the imperative. Moscow, 2013. 336 p. (In Russ.)
5. Madariaga, I. de. Russia in the age of Catherine the Great. Moscow, 2002. 976 p. (In Russ.)
6. Marasimova, E. N. Leadership and personality: Essays on Russian History of the XVIII century. Moscow, 2008. 460 p. (In Russ.)
7. Nikitin, O. V. The language of the decrees of Catherine II in 1762 and the formation of official style in Russia in the 18th century. *Philological Sciences*. 2003;6:93–99. (In Russ.)
8. Olzoyeva, Ya. V. Descriptive verbal-nominal structures as a means to express internal syntactic modality of possibility in modern Russian. *Proceedings of N. G. Chernyshevsky Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University*. 2012;2(43):44–48. (In Russ.)
9. Pichhadze, A. A. Means of expressing imperative and optative semantics in Old Russian and Old Russian prescriptive texts. *Topics in the Study of Language*. 2010;5:14–24. (In Russ.)
10. Rudnev, D. V., Pushkareva, N. V. Regulations of Peter the Great in the aspect of imperativeness. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;20(4):36–49. (In Russ.)
11. Sokolova, M. A. Expression of will in Russian everyday texts and documents of the XI century. *Proceedings of Leningrad State University. Philological Sciences*. 1952;18(161):52–79. (In Russ.)
12. Troshcheva, T. B. Directive. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. (M. N. Kozhina, Ed.). Moscow, 2011. P. 301–303. (In Russ.)
13. Khrakovsky, V. S., Volodin, A. P. Semantics and typology of the imperative: Russian imperative. (V. B. Kasevich, Ed.). Moscow, 2001. 272 p. (In Russ.)
14. Shirinkina, M. A. Regulatory documents of the executive power in the aspect of tonality (compared to directory ones). *Political Linguistics*. 2018;1(67):120–130. (In Russ.)
15. Yashin, A. N. Ideas of enlightened absolutism in the philosophy of Russian justice in the second half of the XVIII century. *Symbol of Science*. 2016;11:31–35. (In Russ.)

Received: 6 April 2022; accepted: 31 March 2023